

РАЗДЕЛ 4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 81.371

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВА ГОЛУБОЙ

Герасименко И.А.

Изучение колоративной лексики остается *актуальной* проблемой современной лингвистики. Колоративы рассматриваются с точки зрения их употребления в разные периоды существования языка (Н.Б. Бахилина, С.В. Кезина и др.), со стороны функционирования в текстах различных жанров (В.Е. Моисеенко, Е.И. Радченко и др.), в аспекте их использования как символов (В.И. Шерцль, Н.В. Серов и др.) и т.д. Многочисленные исследования посвящены отдельным именованию цвета. Среди них особый интерес представляют статьи о цветообозначении (далее – ЦО) *голубой* (Р.В. Алимбиева, А.А. Брагина, В.П. Василевич, А.А. Качаева, Г.Ф. Одинцов, О.И. Сухолипка и др.). Можно отметить, что анализ слова *голубой*, как в целом и других ЦО, сводится в основном к выделению и рассмотрению поверхностных значений. Цель данной работы – изучить ЦО *голубой* с точки зрения раскрытия его глубинных смыслов. Определение исходной семантики указанного колоратива проводится с учетом получившей в последнее время распространение идеи о зарождении человеческой истории в северной части земного шара. Прошлое северное бытие народов описано с позиций археологических, астрономических, мифологических и других наблюдений (см. работы В.Н. Демина, В.В. Богданова, У.Ф. Уоррена, А.С. Хомякова и др.). Таковое проходило в условиях «черно-белого» года, т.е. года, определенная часть которого была занята полярной ночью. Это предопределило конкретное содержание ряда языковых единиц (см.: [12, с.234-250]), в том числе, как кажется, и интересующего нас слова *голубой*. Более того, если согласиться с тезисом о тьме как гносеологической основе всего сущего, то мироздание надо будет понимать как переход от тьмы к свету, от темного к светлому. Вспомним соответствующие тексты, посвященные представлению того, что было до акта творения, где в части описания хаоса можно найти следующее суждение: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» [4, с.1]). Можно предположить, что тьма не только была частью бытия, но и является фактором глоттогенеза. Последнее в какой-то мере можно подтвердить, разбирая смысловую наполняемость колоратива *голубой* и близких ему соответствий.

Постановка проблемы. Уже предварительные наблюдения показывают, что слово *голубой* имеет неоднозначную семантику. Оно используется для обозначения одного из цветов спектра (*голубой* – значит «светло-синий», «лазоревый», «ярко-небесный» [7, с.370]) и, представляя другие смыслы, выступает в качестве носителя коннотаций «идиллический», «лучший», «светлый» и проч. Ср.: *И всегда, всегда распахнут / Ворота куртки голубой, / И рыбачки только ахнут, / Закрасневишь перед тобой* [23, с.310];

Григорий, сидевший возле тяжелого – в голубых смятых цветах – сундука, глянул на нее [28, т.1, с.70]; Для того ль тебя послала / Я когда-то на руках, / Для того ль сияла сила / В голубых твоих глазах! [23, с.342]; Ушла... Завяли ветки / Сирени голубой, / И даже чижик в клетке / Заплакал надо мной [23, с.289]; А они проходили все мимо, / Смутно каждая в сердце тая, / Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой, / Отмететь в голубые края [23, с.156]; Потом сидели мы под лампой блеклой, / Что золотила тонкий дым, / А поздние распахнутые стекла / Отвечивали голубым [6, с.178]. Содержательная многозначность разбираемого слова объясняется, на наш взгляд, глубинной особенностью ЦО – с помощью одного знака выражать разные значения. Кроме того, нельзя забывать, что формирование смыслов у ЦО – это длительный исторический процесс, который сопряжен с развитием номинации в направлении от абстрактного (охватывающего все окружающее) к конкретному. Вероятно, отсюда и разноплановость семантики каждого ЦО (в том числе и слова *голубой*), его многозначность.

Следует отметить, что прилагательное *голубой* используется не всеми славянскими языками, оно известно лишь восточнославянским (русск. *голубой*, укр. *голубий*), в других же языках данной группы для обозначения указанного цвета существуют иные названия (ср. польск. *blekitny* «голубой», «светло-синий», *niebieski* «то же»; чешск. *modrý* «голубой»; сербохорв. *плав* «то же»; болг. *небесен* «небесный», «голубой»). Традиционная лингвистика рассматривает адъектив *голубой* как слово, восходящее к *gel-/gol-* (ср.: укр. *голубий*, др.-нем. *golimban* «то же»), и связывает его с отображением отлива шейных перьев голубя (см.: [26, с.432; 3, с.197; 10, с.19] и др.). При этом вопрос о первичности / производности лексем *голубой* и *голубь* остается нерешенным. В то же время *голубой* понимается исключительно как светлый цвет, чьи обозначения характеризуются положительными коннотациями. «Цветовое прилагательное *голубой* в современном русском языке употребляется в значениях «светло-синий», «лазурный», «лазоревый», «цвета ясного неба», – замечает С.В. Кезина [10, с.21]. «Ощущением цветовой мягкости, сдержанности <...> характеризуются цветообразы, соотносённые с лексемой *голубой*», – пишет Р.В. Алимбиева [2, с.93].

Действительно, прилагательное *голубой* и близкие к нему соответствия являются лексемами, в большинстве случаев передающими светло-синий цветовой признак. Ср.: На нем была пестрая ситцевая рубашка с желтой каемкой; небольшой новый армячок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок [25, с.80]; Этот, по словам Аркадия Павлыча, государственный человек был роста небольшого, плечист, сед и плотен, с красным носом, маленькими голубыми глазами и бородой в виде веера [25, с.121].

Анализируемый адъектив, имея буквальное (цветовое) значение, относится к области светлого цвета, осмысливается как одно из средств представления семантики «светлый». Данная семантика актуализируется при описании глаз, отсюда частое соотношение в функционально-смысловом плане колоратива *голубой* с «белый» и «белесый». Ср. образы голубых (и даже светло-голубых) и белесых глаз: Я оглянулся: передо мной, в синей долгополой шинели, стоял старик среднего роста, с белыми волосами, любезной улыбкой и прекрасными голубыми глазами [25, с.173]; Калиныч был человек самого веселого, самого кроткого нрава, беспрестанно попевал вполголоса, беззаботно поглядывал во все стороны, говорил немного в нос, улыбаясь, прищуривая свои светло-голубые глаза, и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду

[25, с.7]; *Один из них, рябой и курчавый, крепко сжимал локоть Штокмана узловатыми грязными пальцами, косясь на него испуганными белесыми глазами, левой рукой придерживая облезлые ножны шашки* [28, т.1, с.218]; *- Убьют! Езжай в сосны! - крикнул пробежавший мимо казак с испуганным лицом и выпаращенными белесыми глазами* [28, т.4, с.27]. В подобных контекстах лексема *голубой* означает «светлый». Отсюда и параллелизм речений *голубые глаза, светло-голубые глаза* со словами *белоглазый, светлоокий (светлоглазый)* [18, с.127] и синтагмой *светлые глаза*. При этом прилагательное *белоглазый*, которое считается диалектным словом (см.: [18, с.127; 15, с.167; 10, с.15] и др.), вместе со *светлоокий* и *светлые глаза* активно используется в современном языке. Ср.: *И тут белоглазый впервые совершил оплошность – на секунду прикрыл глаза* [1, с.300]; *Но едва прозвучит ответ на вопрос, имеющий для белоглазого такое значение, как немедленно грянет выстрел* [1, с.300]; *И опять, светлоокая, / Ты бледна и грустна. / Как луна одинокая, / Как больная луна* [23, с.88]; *В светлых пустых глазах особо тлела скука, пресыщенность* [28, т.1, с.313]. Все приведенные аналоги синтагмы *голубые глаза* передают смысл «светлый» (> «светлоглазый»).

Колоратив *голубой* актуализирует смысл «светлый» и при изображении наступающего дня, рассвета. Ср.: *Отвори мне, страж заоблачный, / Голубые двери дня / Белый ангел этой ночью / Моего увел коля* [23, с.473]; *В окна глянул голубой рассвет* [28, т.4, с.145]. Передавая приход света, с адъективом *голубой* синонимизируется слово *белый*. Ср.: *Гасил он фонарики, карабаясь на лестницу / Медленный, белый подходит рассвет. / Вместе с человеком взбирался на лестницу* [23, с.150].

Соотнесенность ЦО *голубой* со смыслом «светлый» прочитывается и в образе *голубой весны* и близких к нему соответствий. Например: *Стала над широкой донской степью голубая весна* [28, т.4, с.258]; *Развеснилась весна! / Распахнулись ворота весенние, / Голубые, высокие-высокие* [23, с.527]. Здесь колоративом *голубой* обозначается то, что чаще всего осмысливается как светлое, ясное. Думается, что в подобных случаях наше прилагательное участвует не столько в описании конкретного явления, сколько в представлении признаков всей ситуации.

Однако рассматриваемый адъектив передает не только смысл «светлый», в рамках которого реализуется его непосредственное цветовое значение. Как показывает фактический материал, в анализируемом ЦО может быть представлено и значение «темный».

В частности, соотносительность ЦО *голубой* со смыслом «темный» наблюдается при репрезентации потусторонних сил. Например: *Держусь, томлюсь, качаюсь, / Вперед, назад, / Вперед, назад. / Хватаюсь и мотаюсь, / И отвести стараюсь / От черта томный взгляд. / Над верхом темной ели / хохочет голубой: / «Попался на качели, / Качайся, черт с тобой»* [23, с.96]. Здесь ЦО *голубой* заменяет слово *черт*, выражая тем самым исходный смысл «темный». Отметим еще, что слово *черт* функционально-семантически пересекается с лексемой *синец* (< *син-ий*). «Синие, синьцы -- так в Древней Руси именовали демонов, дьявола» [8, с.277]. Думается, присутствие имен *голубой* и *синец* в едином культурном контексте объясняется общностью их прототипа (и *голубой*, и производное от *синий* слово *синец* восходят к смыслу «тьма»). Примечательно, что отображение потусторонних сил при помощи лексемы *голубой* представлено не только в русском языке. Так, в немецкой культуре черти, ведьмы, волшебники и привидения рисовались в голубом одеянии, люди верили в то, что в доме с выкрашенными в голубой цвет оконными рамами живет ведьма.

Скрытая связь близкого к прилагательному *голубой* слова *голубовато-темный* с семантикой «темный» реализуется и при обозначении цвета кожи умершего человека. Ср., например: *Дарья лежала, безжизненно подогнув ноги, привалившись щекой к мокрому днищу. На белом теле ее, лишь слегка посиневшем, принявшем какой-то голубовато-темный оттенок, виднелись глубокие проколы – следы крючков* [28, т.4, с.179]. В этом случае ЦО *голубовато-темный*, безусловно, представляет смысл «темный».

Имплицитная культурная семантика голубого цвета объясняет и его вхождение в группу траурных цветов. Ср.: *Я умру, меня положат / Под сатины под голубой / Я и мертвая узнаю, / С кем живет мой дорогой* [27, с.471]. Здесь голубой – цвет смерти, он представляет замирное и непостижимое. Примечательно, что данный факт принадлежит к числу типологических явлений (в немецкой культуре, например, умершего принято было одевать в голубой сюртук и класть в гроб кусок голубой ткани).

Надо сказать, что подобная символическая значимость разбираемого цвета не остается без внимания лингвистов. В частности, Н.В. Серов использование голубого цвета в погребальном обряде объясняет тем, что этот цвет «был символом божественной вечности, человеческого бессмертия». По этой причине, считает автор, голубой костюм первосвященников и голубые фигурки и амулеты в египетских погребениях выражали хранителей вечной правды [24, с.405-406]. На наш взгляд, Н.В. Серов поверхностно отражает суть проблемы, так как упускает из виду исходную номинативную релевантность понятия «тьма». И другие ученые ищут истоки исходной семантики единиц языка в символизме древних народов, хотя известно, что символы задаются именно глубинными смыслами, но никак не наоборот.

Функциональная связанность адъектива *голубой* со смыслом «темный» проявляется, вероятно, и в есенинском сочетании *голубые рты*: *Много зла от радости в убийцах, / Их сердца просты, / Но кривятся в почерневших лицах / Голубые рты* [23, с.459]. Ошибочно в отмеченном речении приписывать колоративу *голубой* значение «яркий», что типично для традиционной лингвистической мысли («Прилагательное голубой, – пишет И.Б. Бахилина в отношении данного сочетания, – выражает оттенки более яркие, чем бледно-синий, серовато-синий» [3, с.201]. В основе указанного употребления лежит пучковая связь «рта» и «тьмы» (об этом см.: [13, с.8]). Текст с выражением *голубые рты* и тексты с синтагмами *чернота ртов*, *черный рот* и т.д. являются функционально-семантически тождественными. Ср.: *Округленные глаза и квадратная чернота раскрытых ртов – в сторону первой сотни: там, на левом фланге, заржал конь* [28, т.1, с.252]; *Овладев собой. Бунчук растянул на Анне ворот кофточки, порвал на себе исподнюю рубашку и, прижимая комья полотна к ране, видел, как пузырилась кровь, пропуская в отверстие воздух, видел, как сине белело лицо Анны и черный рот ее дрожал в муках* [28, т.2, с.316]; *Щетинятся сталью, трясясь от страха, / Залезли на пушки, примкнули штык, / Но бегают глаз под серой папашой, – / Из черного рта – истошный рык...* [6, с.170]. Любопытно, что смысл «темный» реализуется не только в сочетаниях *голубой рот*, *черный рот* и в близких к ним соответствиях, но и в синтагме *позеленевший рот*. Ср.: *В середине толпы учитель Баланда, с платком у позеленевшего рта и с красной лентой в петличке полушубка, горячечно блестя глазами, говорил: –...Видите, наступил конец проклятому самодержавию!* [28, т.2, с.72]. В выделенном речении слово *позеленевший*, скорее всего, не выражает конкретный цветовой признак; очевидно, лексемы с корнем *зелен-* в значительной степени также связаны с исходным

смыслом «тьма». Это дает основание считать, что прилагательное *голубой* может функционально синонимизироваться со многими средствами, которые с различной степенью эксплицитности представляют смысл «темный».

Традиционно голубой цвет отсылает нас к небу; *ярко-голубое небо, голубые дали* – типичные поэтические образы. Ср.: *Не могу сказать, сколько времени проспал, но, когда я открыл глаза – вся внутренность леса была наполнена солнцем и во все направленья, сквозь радостно шумевшую листву, сквозило и как бы искрилось **ярко-голубое небо*** [25, с.211]; *Подпрыгнув на седле, Силантьев падал, ловил, обнимал руками **голубую даль**...* [28, т.1, с.293]. Однако при описании неба слово *голубой* не всегда относится к области светлого цвета, хотя на обратном и настаивают некоторые лингвисты («<...> с голубым цветом – цветом неба – коннотация могла быть только положительной. Соответственно, положительную окраску имели и слова, обозначающие голубой оттенок», – считает А.П. Василевич [5]). В ряде случаев данный колоратив при характеристике неба реализует идею «тьмы». Ср.: *Я сижу под окном. / Прижимаюсь к решетке, молясь. / В **голубом** / все застыло. искрясь* [23, с.185]; *Хоть те же все люди кругом, / ты – вечный, свободный, могучий. / О, смейся и плачь: в **голубом**, / как бисер, рассыпаны тучи* [23, с.182]; *Голубое поле / Серебром усыпано (**небо**)* [21, с.20]; *Ночами пустыли за Доном тучи, лопались сухо и раскатисто громовые удары, но не падал на землю, пышущую горячечным жаром, дождь, вхолостую палила молния, **ломаю небо на остроугольные голубые краяхи*** [28, т.1, с.212]. Ср. с этими примерами: *В лесу все темней да темней. Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на **синем небе** робко выступают первые звездочки* [25, с.16]; *Тени луны неподвижные... / **Небо серебряно-черное**... / Тени, как смерть, неподвижные... / Живо ли сердце покорное?* [6, с.48]. Связь прилагательного *голубой* со смыслом «темный» в данном контексте объясняется тем, что небо, являясь «символом верхней зоны» [16, с.271], изначально понималось как недосыгаемое и таинственное, «бесконечное, вечное, недоступное» [20, с.19]. Следовательно, «небо» было эквивалентно смыслу «тьма», «небо» ~ «тьма» (о том, что «небо» ~ «тьма» более подробно см. [13, с.11]). «Произнося слово *небо*, – пишет Н.Я. Марр, – я его употребляю условно в восприятии зачаточного первобытного человека, который «небо» отождествлял со всей вселенной, без исключения себя, «небо» представлялось ему в составе всех стихий, в первую голову «воды» (+ «мрака»)» [14, с.207]. Соответственно, лексема *голубой*, участвующая в характеристике неба, не только передает конкретный цветовой признак, она скрыто может представлять исходный смысл «темный».

Надо сказать, что в русском языке связь лексемы *голубой* со смыслом «темный» (как, впрочем, и «светлый») остается невыясненной. Объяснить участие одного и того же слова в обозначении цветовой противоположности возможно, если соотнести процесс глоттогенеза с идеей севера, переживанием смен «тьмы» и «света». Северное бытие обуславливает то, что аспект тьмы – исходный аспект восприятия всего сущего. По этой причине все мироздание и мыслится как переход от тьмы к свету, от черного к белому. Смысл «светлый» возник лишь вторично, как дериват «темного» («свет, светлое были исходно названы как части целого <...> по мраку / тьме», «по целому, тьме, были названы луна, звезды и свет в целом», – пишет Н.А. Луценко [13, с.6, 8]). Этим обусловлена скрытая парадигматическая связь в значении разбираемой лексемы смысла «темный» с различными оттенками «белого» («белесого»).

Такое совмещение различных семантик в рамках анализируемого слова представлено в речении *голубая лошадь*. Данное гиппологическое наименование не выражает конкретный цветовой признак. Под мастью *голубая*, которая является довольно редкой и ценной [17, с.204], понимается и «светло-серая», «серовато-голубая», и «пепельная», «мышастая», «иногда даже с желтизной» лошадь [7, с.370; 17, с.204], т.е. и «светлая», и «темная». «Голубая масть могла быть и более светлой (особая порода сибирских лошадей сиреневого цвета), и более темной», – пишет Г.Ф. Одинцов [17, с.204]. Ср.: *Конь в вороне голубу* (цит. по: [3, с.105]), *Конь в голузѣ пѣгъ* (цит. по: [3, с.105]), *из голузѣ сѣрѣ* (цит. по: [15, с.171]); *стригоунокъ голузѣм сѣдон* (цит. по: [15, с.171]). По сути, лексема *голубой* в рамках сочетания *голубая лошадь* и близких к нему соответствий может передавать два диаметрально противоположных смысла, что, как мы думаем, объясняется указанной естественной смысловой эволюцией от смысла «темный» к смыслу «светлый». Вероятно, «светлый» первоначально воспринимался в *голубом* как «особенный», «другой», *голубой* в качестве «светлого» осмысливался как «редкий». Отсюда идиомы типа *Поповы детки что голубые кони: редко удаются* [19, с.513]; *Конек голубой, вести на базар – не купят* [21, с.53]; *Удастся голубец (голубая лошадь). не надобен и дубец* [22, с.418].

Положение о первичности смысла «темный» в слове *голубой* подкрепляется этимологическими наблюдениями. Так, *gel-* – это «обработанное» *губ-*, т.е. «рот» // «тьма» [13, с.8]. Вероятно, *губ-* через ступень *губ-* перешло в *глуб-*, а *глуб-* результировалось в виде нашего *голуб-* (*губ-* → *губ-* → *глуб-* → *голуб-*). При этом *глуб-* = «тьма» (ср.: *глубь*). Соответственно, голубой цвет «исходно имел значение «тьмы»» [13, с.9]. Получается, что прилагательное *голубой* изначально называло именно темный цвет, концепт «голубой» диахронически связан с «темный».

Примечательно, что с точки зрения указанных особенностей прилагательное *голубой* объединяется с адъективом *желтый*. Ср.: *Григорий смотрел, не мигая, широко открытыми глазами; ему казалось, это – не звезды, а полные голубовато-желтые неведомые плоды висят на черенках листьев* [28, т.1, с.321]. Думается, выделенные части не выражают конкретные цветовые признаки, вследствие этимологической связи (индоевропейское *ghlto, от которого образовалось слово *желтый*, родственно с *gel-*) они отождествляются и уравниваются, передавая семантику «темный». «Фонетическое чередование *gol* // *žel* повторяется и в лексическом *голубой – желтый*», – справедливо замечает Н.Б. Бахилина [3, с.194]. «Фактор севера» определил то, что части неба не могли осмысливаться как «светлые» («по целому, тьме, были названы луна, звезды и свет в целом», – пишет Н.А. Луценко [13, с.8]). На основе данного тезиса становится более понятным, почему о звездах говорят как о голубовато-желтых, так и голубых и даже зеленых. Ср.: *Григорий закрывает глаза, кладет ладони на шероховатую землю и долго, не мигая, глядит, как за поломанной сосной на окраине неба голубой нарядной бабочкой трепещет в недвижном полете Полярная звезда* [28, т.2, с.42]; *На скромной высоте земные сны горят, / Зеленая звезда летает. / О, если ты звезда, – воды и неба брат, / Твой брат, Петрополь, умирает* [23, с.380]. Отраженные здесь функциональные пересечения слов *голубой, желтый, зеленый* не случайны.

Что же касается речения *голубая кровь*, то, вероятно, оно представляет собой обозначение, основанное на отсылке к верхним слоям социума (об этом см. также: [13, с.11]). Ср.: *Какие все вы сейчас довольные, радостные, – все: и купцы, и биржевые маклеры, и чиновники разных рангов, и помещики, и люди голубой крови!* [28, т.2, с.92].

Здесь, как видим, слово *голубой* выражает «пространственно обусловленную семантику цвета (< «верх» / «небо»)» [13, с.11].

Смысл «верх» предполагает и выражения *голубая мечта, голубой сон, голубой восторг* (= «высокий», а значит, «несбыточный», «неосуществимый», «недостижимый»). В данном случае колоратив *голубой* понимается, по справедливому замечанию Л.А. Качаевой, как «уносящий ввысь, приподнимающий над земными буднями» [9, с.21]. Ср.: *Сияющий прорыв, прорез на мраке... / Здесь только счастье -- голубого сна* [6, с. 200]; *О поэт – говори / о неснышном полете столетий, / Голубые восторги твои / ловят дети* [23, с. 18!]. И хотя некоторые лингвисты относят эти и подобные им сочетания к числу необычных (см.: [11, с. 128] о речениях *голубая греза* у К. Бальмонта, *голубая радость, голубое настроение* у А.И. Куприна, *голубые ожидания* у Ф. Сологуба как нетипичных в языке), их появление вполне объяснимо, так как мотивировано связью лексемы *голубой* со смыслом «верх». Отсюда и развитие в слове *голубой* семантики романтического томления по мистическому идеалу (ср. англ. *to be in the blue* «грустить, быть в подавленном состоянии», франц. *contes bleus* «голубые загадки», нем. *blaue Rätsel* «то же», *blaues Wunder* «голубое чудо»; *blues* – направление в музыке, передающее печальное настроение, грусть). Думается, что на ее основе у разбираемого слова во многих европейских языках сформировалось и известное коннотативное значение.

Выводы. Изложенное позволяет считать, что в текстах различных авторов и временных рамок реализуется многообразный, но далеко не хаотичный номинативный смысловой потенциал адъектива *голубой*. Данный колоратив нередко, имплицитно или эксплицитно, употребляется для обозначения «темного», поскольку вся языковая семантика диахронически ориентирована на идею «тьмы». Получив на известном этапе семантику светлого, лексема *голубой* в итоге функционально и была закреплена за смыслом «светлый». Только естественной смысловой эволюцией объясняется то, почему одни и те же слова участвуют в номинации тех или иных смыслов. Приведенные наблюдения показывают, что своеобразие человеческого языка хотя бы отчасти определяется тем, что люди начали свою историю на севере.

Список литературы

1. Акунин Б. Смерть Ахиллеса. – М.: Захаров, 2002. – 312 с.
2. Алимпиева Р.В. Синонимический микроряд *синий – голубой* в сопоставлении с польским *blekitny – niebieski* (к проблеме семантической эволюции лексических эквивалентов родственных языков) // Семантика слова в диахронии / Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Редкол. Р.В. Алимпиева и др. / Калинингр. гос. ун-т. – Калининград. 1987. – С. 92-99.
3. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
4. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические. – Russian Bible: United Bible Societies, 1992. – 292 с.
5. Василевич А. Синий, синий, голубой... Или всегда ли слово было изгоем? // <http://www.ruscenter.ru/626.html> (02.08.2005).
6. Гиппиус З.Н. Стихотворения: Живые лица / Вступ. статья, Сост., подгот. текста, коммент. Н. Богомолова. – М.: Худож. лит., 1991. – 471 с.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. – М.: Рус. яз. – Т. 1. – 1981. – 699 с.
8. Ипполитова А.Б. Символика цвета в русских простонародных травниках XVIII века // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2002 – С. 267-300.
9. Качаева А.А. Может ли голубое быть зеленым или розовым? // Рус. речь. – 1984. – № 6. – С. 20-25.

10. Кезина С.В. История цветообозначений в русском языке: Учеб.-метод. пособие к спецкурсу / Пензен. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского – Пенза, 2000. – 50 с.
11. Кожевникова Н.А. Необычные сочетания с цветовыми прилагательными // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования: Межвуз. темат. сб. / Калинингр. гос. ун-т / Редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) и др. – Калинин рад. 1980. – С. 127-142.
12. Луценко Н.А. Жизнь на севере в отражении языковых явлений // Филологические исследования: Сборник научных работ. – Выпуск 6. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд». 2004. – С. 234-250.
13. Луценко Н.А. Из записок по диахронической семантике: «синий» // Нова філологія. – Запоріжжя, 2004. – № 1 (20). – С. 5-13.
14. Марр Н.Я. О происхождении языка // Марр Н.Я. Основные вопросы языкознания / АН СССР, Гос. Академия истории материальной культуры имени Н.Я. Марра. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – С. 179-209.
15. Моисеенко В.Е. Из истории цвета и масти животных в русском языке // Gadányi K., Mojszejenko L., Mojszejenko V. Слово и цвет в славянских языках. – Melbourne: Academia Press, 2000. – С. 160-186.
16. Новикова М.О. Коментар // Українські замовляння / Упоряд. М.Н. Москаленко; Автор передм. М.О. Новикова. – К.: Дніпро, 1993. – С. 199-307.
17. Одинцов Г.Ф. История русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1978. – С. 172-221.
18. Пищальникова В.А. Некоторые особенности функционирования цветовых прилагательных в русских говорах // Исследования по семантике. Лексическая и фразеологическая семантика: Межвуз. науч. сб. / Башкирск. гос. ун-т. – Уфа. – 1982. – С. 126-131.
19. Пословицы и поговорки русского народа. Из собрания В.И. Даля / Под общ. ред. Б.П. Кирдана; Вступ. ст. М.А. Шолохова; Послесл. В.П. Аникина. – М.: Правда, 1987. – 656 с.
20. Радченко Е.И. Аксиологический аспект значений цвета в современном немецком языке: Автореф. дис... канд. филол. наук / 10.02.04 – германские языки / Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2002. – 21 с.
21. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов. Ю.Г. Круглов. – М.: Просвещение, 1990. – 335 с.
22. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.
23. Серебряный век русской поэзии: Сборник / Сост., авт. коммент.: И.Г. Панченко, Л.В. Скуратовский; Авт. предисл. В.Л. Скуратовский. – К.: Дніпро, 1991. – 639 с.
24. Серов Н.В. Античный хроматизм. – СПб.: Лисс, 1995. – 475 с.
25. Тургенев И.С. Записки охотника. – М.: Лесная промышленность, 1980. – 240 с.
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.П. Трубачев. – 2-е изд., стереот. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.
27. Частушки / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. – М.: Сов. Россия, 1990. – 656 с.
28. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн. // Шолохов М.А. Собр. соч. в 8-ми т. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 1. – 351 с.; Т. 2. – 352 с.; Т. 4. – 431 с.

Поступила в редакцию 21.02.2006 г.